

Луутонен Й.
Университет г. Турку,
Турку, Финляндия

ХАРАКТЕР ВЫДЕЛИТЕЛЬНОГО АФФИКСА *-i* И ВОПРОС О КАТЕГОРИИ ВЫДЕЛИТЕЛЬНОСТИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье на материале научной литературы рассматриваются так называемые аффиксы выделительности чувашского языка *-i*, *-χi*, *-sker* и притяжательный аффикс третьего лица, выражающий определенность. Автором проведена работа, разрешающая терминологическую проблему, и предложено восстановление дефинитивного притяжательного аффикса в описании грамматики чувашского языка.

Ключевые слова: чувашский язык, выделительный аффикс, дефинитивность, притяжательный аффикс.

Luutonen J.
University of Turku,
Turku, Finland

THE CHARACTER OF THE DISTINCTIVE AFFIX *-i* AND THE QUESTION OF THE CATEGORY OF DISTINCTION IN THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. In the article, the “distinctive suffixes” of the Chuvash language *-i*, *-χi*, and *-sker*, as well as the third person possessive suffix *-i* /*-ě* expressing definiteness, are investigated on the basis of grammatical literature. The author agrees with some Chuvash scholars that regard the “category of distinction” as problematic but considers “distinctive suffix” to be an appropriate name for the suffix *-i*, which combines the characteristics of the Turkic distinctive suffix **-ki* and the definite possessive suffix. The author also discusses the absence of ‘marking definiteness’ among the functions of the possessive suffixes in Chuvash grammatical tradition.

Keywords: Chuvash language, distinctive affix, definiteness, possessive affix.

1. Введение

Так называемые выделительные аффиксы чувашского языка *-i*, *-χi* и *-sker* представляют собой весьма интересное явление. Данным аффиксам было достаточно сложно найти свое место в грамматике; аффиксы *-i* и *-χi* чаще всего рассматривались в контексте со словообразовательными суффиксами прилагательных, а место рассмотрения морфемы *-sker* в значительной степени

зависело от точки зрения автора исследования. Тем не менее, даже поверхностное изучение сферы применения указанных морфем сразу же показывает, что они не являются обычными словообразовательными суффиксами: они могут присоединяться к падежным формам, и их функции чаще всего синтаксические, а не относящиеся к образованию новых слов. Так, например, в форме *vārmanti* ‘тот, который в лесу’ к слову *vārman* ‘лес’ в форме местного падежа *vārman-ta* ‘в лесу’ присоединен аффикс *-i* (в то же время конечный гласный формы местного падежа *a* выпадает), см. также примеры использования двух других выделительных аффиксов: *pajanχi* ‘сегодняшний’ (*pajan* ‘сегодня’), *vulanāsker* ‘один из них, который прочитал; характерный тем, что прочитал’ (*vulanā* ‘прочитал’).

Выделительные аффиксы чувашского языка были рассмотрены в научной литературе достаточно много и с разных точек зрения. Основные особенности данных морфем были описаны уже Н. И. Ашмариным [Ашмарин, 1898]. Более поздние публикации, например, статьи И. А. Андреева [Андреев, 1966], И. П. Павлова [Павлов, 1985] содержат важные наблюдения о синтаксисе и вопросах, относящихся к дискурсу, а также монография В. И. Сергеева, опубликованная в 2002 г. и посвященная вопросам морфологии чувашского языка, содержит около 20 страниц анализа по рассматриваемому здесь вопросу. В публикациях чувашских ученых можно найти основные сведения о природе аффиксов *-i*, *-χi* и *-sker*, однако к единому мнению относительно статуса и характера постулируемой категории выделения так и не пришли. Это видно, например, в критическом взгляде В. И. Сергеева [Сергеев 2002, с. 120–133], ссылающегося на статью И. П. Павлова. По рассматриваемой теме в 2011 г. нами была опубликована монография «Chuvash syntactic nominalizers: On **-ki* and its counterparts in Ural-Altaic languages» («Чувашские синтаксические номинализаторы: **-ki* и его соответствия в урало-алтайских языках») [Luutonen, 2011], которая во многом и является основой настоящей работы. Кроме того, мы исследовали такие случаи употребления притяжательных аффиксов третьего лица, в которых единственной функцией аффиксов является выражение дефинитивности.

2. Основа для исследования, созданная Н. И. Ашмариным

Н. И. Ашмарин в своей работе «Материалы для исследования чувашского языка» [Ашмарин, 1898] всесторонне – принимая во внимание также и синтаксические аспекты – описал морфемы, относящиеся к явлению, позднее названному категорией выделительности. Н. И. Ашмарин [Ашмарин, 1898, с. 155–157] представил аффиксы *-i* и *-χi* (< **-ki*) в группе словообразовательных суффиксов прилагательных. При рассмотрении склонения имен прилагательных он устанавливает, что прилагательные, выступающие самостоятельно (не в функции определения), в некоторых случаях могут принимать притяжательный аффикс третьего лица *-i*/*-ě* или *-sker*. Таким образом, склоняемые прилагательные, согласно Н. И. Ашмарину, имеют три формы, например: первая форма *usal* ‘дурной,

зло'; вторая форма: *usalli* 'тот, который дурен; то, что дурно'; третья форма: *usalsker* 'один из дурных' [Ашмарин, 1898, с. 164]. Соответствующие три формы можно найти также и в сделанном им описании причастий, например: 1. *pulakan* 'бывающий, бывший' (*pul* 'быть'); 2. *pulakaně* или *pulakanni*; 3. *pulakansker* [Ашмарин, 1898, с. 295].

О притяжательном аффиксе третьего лица *-i/-ě* Н. И. Ашмарин [Ашмарин, 1898, с. 173–174] говорит, что тот также используются для выражения определенности: «...мы объясним здесь вообще употребление этого суффикса, как частицы выражающей определенность предмета...». Далее он пишет: «Суффикс 3-го лица ставится еще тогда, когда говорится о предмете, уже упомянутом раньше, или о таком предмете, который хотя раньше и не упоминался, но существование которого как бы предвиделось заранее», например¹, *kāmaka uměnci χěr-arāmě šav šiměšěsene šatma šinče pěšerse...* 'женщина, находящаяся у печи, ожарив эти кушанья на сковороде...' (*χěr-arāmě* '(упомянутая) женщина', *šiměšěsene* 'эти кушанья').

Притяжательный аффикс третьего лица, согласно Н. И. Ашмарину, также может присоединяться к целому предложению. «Это бывает в том случае, если предложение из главного делается подчиненным...», например: *šin kilnine epir kurtāmār* 'мы видели, что пришел (что приходит) человек' (*šin kilně* 'пришел человек', *šin kilni* 'то обстоятельство, что пришел (или идет) человек, приход человека' [Ашмарин, 1897, с. 175–176].

3. Развитие наследия Н. И. Ашмарина и новые идеи

В 1985 г. И. П. Павлов пишет, что после Н. И. Ашмарина исследование аффиксов *-i*, *-χi* и *-sker* мало продвинулась вперед [Павлов, 1985, с. 4]. Утверждение И. П. Павлова справедливо в том отношении, что никто не предпринимал попыток создать целостное обобщение явлений, связанных с тремя упомянутыми выше аффиксами. Кроме того, следует отметить тот факт, что, всесторонний и учитывающий шире тюркологические исследования подход Н. И. Ашмарина относительно особенностей притяжательного аффикса третьего лица кажется забытым. При рассмотрении грамматики «Материалы по грамматике современного чувашского языка» [Материалы, 1957], написанной Н. А. Андреевым, В. Г. Егоровым и И. П. Павловым (и которую можно считать представителем официальных взглядов своего времени), можно увидеть множество едва различимых, но весьма значимых расхождений по отношению к взглядам Н. И. Ашмарина.

Н. А. Андреев рассматривает аффиксы *-i* и *-χi* в разделе имени прилагательного. Говоря об аффиксе *-i*, он использует уже современное обозначение – выделительный аффикс. Аффикс *-i* присоединяется к форме местного падежа имен существительных и к наречиям места, содержащим показатель *-ta / -te / -če*, в результате чего образуются относительные прилагательные, например: *pürtri* 'находящийся в избе' (*pürtre* 'в избе'), *kunti*

¹ Все примеры, представленные также и в цитатах, в статье транслитерированы на латинский алфавит.

‘здешний’ (*kunta* ‘здесь’) [Андреев, 1957, с. 63–64, 81–82]. С точки зрения истории языка, формант *-i*, выступающий во всех указанных выше формах, восходит к древнему тюркскому аффиксу **-ki*.

При описании образования самостоятельных прилагательных Н. А. Андреев, в отличие от Н. И. Ашмарина, считает выступающий в данном случае формант *-i* выделительным аффиксом: «Аффикс выделения *-i* выражает конкретизацию предмета, выделение его из группы подобных, одинаковых, особое подчеркивание значения предмета, его свойств, того, что он отличается каким-нибудь качеством». При переводе на русский язык можно использовать, например, выражение ‘тот, который...’, ‘то, что он...’ и т. д.; например: *ǎsli* ‘тот, который умен; умный из них; умный-то; то, что он умен’ (*ǎslǎ* ‘умный’). Н. А. Андреев считает соответствующие формы, содержащие аффикс *-ě*, диалектными формами, например: *usalě* (ср. *usal*) ‘злой’ [Андреев, 1957, с. 102–103].

Имена прилагательные, содержащие аффикс *-sker*, Н. А. Андреев представляет одним самостоятельным типом имен прилагательных и дает парадигму склонения форм с показателем *-sker* параллельно с самостоятельными аффиксальными прилагательными с формантом *-i*. Значение форм с компонентом *-sker* он характеризует следующим образом: «Форма с аффиксом *-sker* выражает качество предмета, не выделяя его из группы подобных, а отнеся его к тем, которые обладают данным качеством» [Андреев, 1957, с. 103, 106.]

При рассмотрении форм существительных Н. А. Андреев не упоминает об использовании притяжательного аффикса третьего лица как показателя определенности, т. е. о предмете, известном при разговоре или упомянутом ранее. Вместо этого он говорит об абстрактной принадлежности, значение которого объясняет следующим образом: «Кроме конкретной принадлежности существует абстрактная принадлежность. Она выражает идею принадлежности отдельно от того предмета, на который распространяется это отношение» [Андреев, 1957, с. 33–34]. В качестве примеров он дает формы *manǎnni* ‘то, что мое, мой’, *śinǎnni* ‘то, что принадлежит человеку’.

В той же грамматике в разделе о спряжении глагола, написанном В. Г. Егоровым, дается описание субстантивации причастий. Как в отношении причастий настоящего времени, так и причастий прошедшего времени указывается, что как от прилагательных, так и от причастий можно образовать самостоятельную, используемую как имя существительное форму путем присоединения аффикса принадлежности третьего лица *-i* или *-ě*, например (причастие настоящего времени): *vulakanni* или *vulakaně* ‘тот, который читает’. В случае причастия прошедшего времени В. Г. Егоров говорит об определенных формах: «Причастие прошедшего времени имеет и определенную, субстантивную форму с аффиксом принадлежности третьего лица *-i*: *věrenně + -i > věrenni* ‘тот, который учился’...» [Егоров, 1957, с. 220, 223]. Определенные, образованные при помощи аффикса третьего лица формы он отмечает также при рассмотрении отглагольных отпричастных имен

(*nomina actionis*), где рассматриваются следующие типы форм: *-ni*, *-assi /-essi*, *-malli /-melli*. Если сравнить описание самостоятельных причастий, используемых по подобию существительных, В. Г. Егорова с описанием самостоятельно использующихся прилагательных Н. А. Андреева, представленного в той же грамматике, можно заключить, что авторы придерживаются различных точек зрения относительно характера аффикса *-i* в этих формах: Н. А. Андреев дает его как выделительный аффикс, В. Г. Егоров – как притяжательный аффикс третьего лица.

Н. А. Андреев [Андреев, 1957, с. 106], следуя грамматическому взгляду Н. И. Ашмарина, представляет отдельную парадигму склонения аффиксальных прилагательных с формантом *-sker*, в то время как В. Г. Егоров не делает этого в случае с причастиями с компонентом *-sker* [Егоров, 1957, с. 221]. Он описывает формы с компонентом *-sker* в разделе под заглавием «словообразующие и формообразующие частицы». В отношении морфемы *-sker* В. Г. Егоров заключает, что она «присоединяется по преимуществу к прилагательным и причастиям, а иногда и к существительным, придавая им аппозитивный характер, т. е. характер приложения или обособленного определения». Функцию морфемы он определяет следующим образом: «частица *-sker* употребляется при выделении, обособлении, подчеркивании какого-либо признака в предмете». Например: *laši, tiḡasker, časaḡ ivānčě* ‘и лошадь его, почти жеребенок, скоро устала’ [Егоров, 1957, с. 341–342].

Резюмируя сказанное выше, можем заключить, что в грамматике 1957 г., написанной коллективом авторов, аффиксы *-i*, *-ḡi* и *-sker* описаны несколько несогласованно, функция притяжательного аффикса третьего лица как морфемы определенности представлена только косвенно.

В 1965 г. была опубликована статья И. А. Андреева, посвященная способам выражения дефинитивности в чувашском языке. В начале статьи автор отмечает, что «категория дефинитивности, или определенности и неопределенности, в других тюркских языках изучена довольно обстоятельно... В чувашском она почему-то до сих пор оставалась вне поля зрения исследователей, хотя место и значимость этой категории в системе имен существительных такие же, как и в других языках» [Андреев, 1965, с. 76]. В списке способов выражения определенности существительного в чувашском языке первыми он указывает притяжательные аффиксы (например, *yultašām* ‘мой товарищ’, *yultašu* ‘твой товарищ’, *yultašě* ‘его товарищ’), вторым – аффикс выделительности, который является омонимичным по форме с аффиксом принадлежности третьего лица (например, *starikki* ‘старик-то’). Третью группу способов выражения определенности составляют, среди всего прочего, различные местоимения [Андреев, 1965, с. 81–82].

Относительно аффикса выделительности И. А. Андреев утверждает, что «подобно артиклю в европейских языках, этот аффикс является средством субстантивации других частей речи, ср. *ḡura – ḡuri, manān – manānni, kaunā – kaunni, purānas – purānassi*». Затем он размышляет о влиянии подобной субстантивации на определенность и выделительность: «Определенность и

неопределенность характеризует только имена существительные. Другие части речи, получая значение имени существительного, самой формой субстантивации приобретают выделительное значение и тем самым становятся как бы определенными» [Андреев, 1966, с. 81–82]. На наш взгляд, данное суждение является весьма важным, чтобы понять характер категории выделительности. В конце своей статьи И. А. Андреев рассматривает роль определенности также на уровне предложения: «Таким образом, различие определенности и неопределенности предмета в чувашском языке влияет не только на оформление отдельных членов предложения, но нередко сказывается на структуре всего предложения в целом» [Андреев, 1966, с. 85–87].

В другой своей статье, опубликованной в 1966 г. и рассматривающей прилагательные в тюркских языках, И. А. Андреев отмечает, что элементы *-ri*, *-ti*, *-ĉi* и *-χi* (в которых выступает формант *-i* (замечание наше. – *Й. Л.*)) не могут считаться словообразовательными аффиксами прилагательных, поскольку: а) они не имеют семантических ограничений в присоединении, в отличие от словообразовательных суффиксов; б) они могут присоединяться к словам различных частей речи, а именно: к существительным, местоимениям, числительным, наречиям и даже к деепричастиям; в) они не изменяют лексическое значение формы, являющейся производящей основой. Согласно И. А. Андрееву, слова, образованные при помощи этих элементов, следует считать формами существительных, а не производными прилагательными, как предполагалось ранее. И. А. Андреев также акцентирует внимание на чистой синтаксической роли элементов *-ri*, *-ti*, *-ĉi* и *-χi* в предложении. Их основную функцию он видит в том, что они делают из основного слова единицу, соответствующую на роль определения. В этом отношении они напоминают аффиксы причастий, которые также образуют атрибутивные формы [Андреев, 1966, с. 96–97].

Статья В. Ф. Румянцева, опубликованная в 1977 г. и посвященная рассмотрению способов выражения дефинитивности в английском и чувашском языках, весьма интересна с точки зрения теории относительно выделительного аффикса. В статье В. Ф. Румянцев полностью идентифицирует по форме аффикс выделительности (*-i* / *-ĕ*) и притяжательный аффикс третьего лица. Относительно функции выделительного аффикса он пишет: «Сфера употребления аффикса выделительности широка. Она выступает в качестве номинализатора слов и предложений» [Румянцев, 1977, с. 95–96]. Из этого видно, что В. Ф. Румянцев, по аналогии с И. А. Андреевым, видит роль аффикса выделительности и на синтаксическом уровне.

4. Категория выделения И. П. Павлова [1985] и его критика

И. П. Павлов в своей статье «Категория выделения в современном чувашском языке» [Павлов, 1985] объединяет элементы *-i*, *-χi* и *-sker* в одну категорию. Взгляд на явление становится шире, поскольку И. П. Павлов помимо синтаксических аспектов принимает во внимание также и

текстолингвистические и описывает местоименный (анафорический) характер форм, содержащих аффикс выделительности.

При объединении рассматриваемых морфем в одну и ту же категорию ход мыслей И. П. Павлова представляется следующим образом: сначала он объединяет аффиксы *-i* и *-χi*, указывая на такие обстоятельства: 1) хотя *-χi* в настоящее время присоединяется к словам, обозначающим время, аффикс сам по себе не содержит значения времени (например, *përlexi* 'совместный' ср. *përle* 'вместе'), поэтому на семантическом уровне для присоединения *-i* и *-χi* преград нет; 2) формы на *-χi* изменяются по числам и падежам, как и формы на *-i*; 3) синтаксические функции форм на *-χi* могут быть такими же, как и у форм на *-i* [Павлов, 1985, с. 8–9]. После этого И. П. Павлов аргументирует объединение формообразующих аффиксов *-i* / *-χi* и *-sker* в одну и ту же категорию следующим образом: 1) аффиксы присоединяются обычно к одним и тем же основам слов или словоформам; 2) обе формы используются при повторной и предикатной номинации, выделяя предмет по его признаку; 3) и та, и другая форма изменяются по числам и падежам без какого-либо исключения; 4) обе формы употребляются, как правило, в одних и тех же синтаксических функциях; они выступают в роли подлежащего, именного сказуемого и дополнения [Павлов, 1985, с. 10].

После рассмотрения сходств форм, содержащих выделительный аффикс, И. П. Павлов обращается к рассмотрению их различий, которые он делит на семантические, а также относящиеся к структуре предложения. «Во-первых, если формы на *-i* выражают выделение предмета из общей среды, противопоставляя его по какому-то одному свойству, то формы на *-sker* обозначают предмет, выделяя его из среды ему подобных по их характерному признаку без какого-либо противопоставления. Если формы на *-sker* очень часто употребляются с добавочным оттенком значения (причины, уступки, условия и др.), то формы на *-i* выступают без этих значений. Во-вторых, в позиционном отношении. Так, в предложении формы на *-i* (*-χi*) в ряде случаев могут выступать перед именем без согласования с ним (т. е. в роли небособленного определения), а формы на *-sker* не имеют такой особенности» [Павлов, 1985, с. 11].

И. П. Павлов обращает внимание на то, что хотя аффиксы *-i*, *-χi* и *-sker* нельзя считать словообразовательными аффиксами, их задача, как и у многих словообразовательных аффиксов, состоит в образовании основы для словоизменения: слова, содержащие данные суффиксы, изменяются по числам и падежам. Выделительные аффиксы в чувашском языке также часто употребляются вместо словообразовательных аффиксов существительных. Тем не менее, они значительно отличаются от словообразовательных аффиксов. И. П. Павлов резюмирует свои рассуждения следующим образом: «Вышеприведенные данные убедительно показывают, что как бы ни сходились словоформы на *-i* (*-χi*), *-sker* с производными именами существительными по некоторым свойствам, все же данные формы отличаются от них чрезмерно абстрактным значением предметности. Такое

значение в тексте необходимо только для отсылки на предшествующее имя существительное, т. е. на вводное наименование» [Павлов, 1985, с. 11–13].

При рассмотрении сходств, различия и отношения к словообразовательным элементам аффиксов *-i*, *-χi* и *-sker* И. П. Павлов отмечает, что есть причины считать данные суффиксы показателями одной грамматической категории. Они выражают общее категориальное значение предметности при повторной номинации. Он делает попытку раскрыть сущность категории выделительности в одном предложении: «Категория выделения – эта такая морфологическая категория, которая способствует той или иной знаменательной части речи выделять субстанциональный объект, упомянутый ранее в речи или известный по контексту и ситуации, через его признак» [Павлов, 1985, с. 13].

Теория И. П. Павлова, кажется, достигла определенной степени всеобщего признания среди чувашских исследователей, поскольку в «Краткой чувашской энциклопедии» в статье о чувашском языке представлен абзац о категории выделительности [КЧЭ, 2001, с. 488].

В. И. Сергеев в своей монографии «Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке» [Сергеев, 2002] весьма широко рассматривает формы, образованные при помощи аффиксов *-i*, *-χi* и *-sker*, и стремится определить их дистрибуцию и возможности присоединения к основам разных частей речи более эксплицитно, чем в других источниках.

В. И. Сергеев использует термин категория выделительности, созданный И. П. Павловым, однако сильно критикует придаваемое ей положение общей категории. Он утверждает, что как *-χi*, так и *-sker* являются выборочными при их сочетании со словами и формами: *-χi* присоединяется лишь к словам, выражающим временные отношения, а семантические оттенки, связанные с формантом *-sker*, ограничивают его употребление. К аффиксу *-i* также относятся различные ограничения в присоединении, поэтому и его нельзя рассматривать вполне категориальным аффиксом. В. И. Сергеев пишет: «Если хотим иметь общую категорию выделения имен существительных на *-i*, *-χi*, *-sker*, то это возможно только условно, вопреки условиям, предъявляемым к категориальным формам. Категория выделения не проявляет себя универсально, ибо нет категории выделения формы мн[ожественного] числа, нет его у категории принадлежности и времени. Речь может идти только о частнопадежных формах выделения» [Сергеев, 2002, с. 122–125].

5. Дефинитивный аффикс принадлежности в чувашской грамматической традиции

Одной из характерных особенностей чувашской грамматической традиции можно считать тот подход, в соответствии с которым составители грамматик, работавшие после Н. И. Ашмарина, рассматривают использование притяжательных аффиксов в не притяжательном значении в словах, которые

указывают на упомянутый ранее или известный в контексте говорения предмет. Далее мы будем называть такие притяжательные аффиксы дефинитивными. Данные притяжательные аффиксы достаточно распространенное явление в тюркских языках (см., например, Grönbech, 1936, с. 98–99). К рассмотрению дефинитивных притяжательных аффиксов в литературе (Н. А. Андреев, В. Г. Егоров, И. А. Андреев) мы обращались в настоящей работе ранее.

Общая линия развития в чувашской грамматической литературе показывает, что алломорфы *-i* притяжательного аффикса, используемые не в притяжательной функции, начали толковать как проявление выделительного суффикса. Это вполне понятно, принимая во внимание омонимию рассматриваемых элементов и сходство их функций. Развитие, произошедшее в грамматической традиции, возможно, также соответствует процессу развития, произошедшему в чувашском языке. Из западных лингвистов К. Гренбех в 1936 г. обратил внимание на то, что в формах (определенных и конкретных), обозначенных Н. И. Ашмариним как вторая форма прилагательных, алломорф *-i* почти всегда вытесняет алломорф *-ě*. К. Гренбех считает, что предпочтение *-i* в этой функции, возможно, является результатом влияния со стороны аффиксов *-χi* и *-ri*, которые также являются конкретизирующими элементами и содержат *-i* [Grönbech, 1936, с. 96–100]. К. Гренбех очевидно первым обратил внимание на то, что притяжательный аффикс третьего лица и элементы, восходящие к тюркской морфеме **-ki*, в чувашском языке, возможно, частично слились в один элемент.

В. И. Сергеев делает почти полную синхроническую идентификацию выделительного аффикса и притяжательного аффикса третьего лица, утверждая, что поскольку также и у притяжательных аффиксов имеется функция выделения, так и его алломорфу *-ě* нужно считать выделительным аффиксом [Сергеев, 2002, 126–127]. Однако, после того, как притяжательному аффиксу третьего лица определена функция выделительности, то и далее проблемой остаются случаи употребления притяжательного аффикса третьего лица не в притяжательной функции, в которых речь идет не о выделительности. В. И. Сергеев глазами западного исследователя интерпретирует случаи употребления притяжательных аффиксов, схожих с дефинитивными как проявление так называемой косвенной принадлежности, и ищет грамматические параллели в тунгусо-маньчжурских языках вместо тюркских языков. Косвенную принадлежность предполагают, по его мнению, например, слова *Atălě, šivě* и *χuli* в выражениях: *Atălě tarăn, šivě tără* ‘Волга широка, вода прозрачна’; *χuli ayakra mar-χa vāl* ‘город-то недалеко расположен’ [Сергеев, 2002, с. 75–76, 126–127].

Исследователи дефинитивности и информационной структуры предложения констатировали, что чувашский притяжательный аффикс третьего лица иногда выступает в функциях, которые в других языках выражаются, например, при помощи определенного артикля. Сравнивая способы выражения дефинитивности в английском и чувашском языках В. Ф. Румянцев [Румянцев, 1977, с. 94–95] представляет одним из них аффикс

выделения *-i / -ě*, омонимичный с притяжательным аффиксом третьего лица. В статье Р. М. Кузнецовой, посвященной сравнительному анализу французского и чувашского языков, приводятся, например, параллели следующего характера, в которых определенный артикль французского языка *la, les* переведен при использовании притяжательного аффикса третьего лица: *la femme est jeune ~ хӗрарӓмӗ самрӓк* [‘(та) женщина молодая’ – перевод Й. Л.], *les femmes sont jeunes ~ хӗрарӓмӗсем самрӓк* [‘(те) женщины молодые’ – перевод Й. Л.] [Кузнецова, 1977, с. 40]. А. В. Емельянова [Емельянова, 2001, с. 52] в своем текстолингвистическом исследовании пишет о притяжательном аффиксе третьего лица как одном из грамматических способов, с помощью которого можно актуализировать тему высказывания. В то же время она утверждает, что притяжательные аффиксы чувашского языка в данной функции ранее не рассматривались.

Особо проблематичным является разграничение алломорфа *-i* притяжательного аффикса третьего лица, используемого не в притяжательном значении, и омонимичного ему выделительного суффикса. Случаи употребления аффикса *-i* в словоформе после словоизменительных аффиксов в течение последних десятилетий обычно рассматривали как проявление выделительного суффикса, однако проблемой остались аффиксы, напрямую присоединяющиеся к номинативной форме. В. И. Сергеев решает данный вопрос прямым и ясным образом: «На наш взгляд, не усугубляя этот вопрос, нужно лишь договориться (условно), что *-i (-ě)*, следующий за основой слова, есть аффикс принадлежности 3 лица, а *-i*, следующий за другими аффиксами, – аффикс выделения» [Сергеев, 2002, с. 126–127].

Мы считаем, что решение В. И. Сергеева можно обосновать также семантически-функционально следующим образом. Определенные существительные образуют такой особый случай, в котором различие между формой выделительного аффикса и дефинитивной притяжательной формой в большинстве контекстов нейтрализуется. Предположим, что *X* – произвольное существительное со значением ‘*X*’ (например, ‘дом’). Значение соответствующего определенного существительного – ‘определенный *X*’, ‘тот *X*’, ‘*X*-то’ (например, ‘тот дом’). Если к существительному *X* присоединить выделительный суффикс, получаем значение ‘тот, который *X*’ (например, ‘тот, который дом’). Можем заключить, что в большинстве контекстов значения существительного в основной форме, содержащей определенный и выделительный аффикс, существенно не отличаются друг от друга: ‘тот *X*’ = ‘тот, который *X*’. Однако значения могут отличаться, если *X* обозначает не отдельный член класса *X*, а весь класс *X* (например, ‘один дом’ ср. ‘класс всех домов’). В данном случае было бы разумным передать, например, значение ‘тот, который дом (не, например, сарай)’.

6. Выводы

Выделительный аффикс *-i* в современном чувашском языке исторически возник при слиянии древнего тюркского аффикса **-ki* и используемого в

функции дефинитивности алломорфа *-i* притяжательного аффикса третьего лица. Это слияние произошло как на уровне формы (**-ki > -i*), так и на уровне функций (выделения, преобразования в дефинитивный). Полученный новый суффикс во многих случаях заменяет алломорф *-ĕ* притяжательного аффикса третьего лица, выражающий определенность. Тем не менее, в чувашском языке все еще можно найти случаи употребления алломорфа *-ĕ* в функции выражения определенности, поэтому, на наш взгляд, имеются причины восстановить точку зрения Н. И. Ашмарина и западной тюркологии, согласно которой у обоих алломорфов притяжательного суффикса 3-го лица (*-i / -ĕ*) помимо функции выражения притяжательности есть функция выражения определенности.

По утверждению И. А. Андреева [Андреев, 1966, с. 97] и В. И. Сергеева [Сергеев, 2002, с. 127] в чувашском языке помимо аффиксов *-i*, *-χi* и *-sker* есть и другие аффиксы, функцией которых является синтаксически субстантивировать, добавить к значению элемент определенности или выделить тот предмет, на который указывают. По этой причине эти функции не являются достаточными, чтобы обосновать сущность категории выделительности. Соглашаясь во многом с мнением В. И. Сергеева [Сергеев, 2002, с. 125], можно утверждать, что имеется основание говорить об отдельных формах словоизменения, которые можно определить как выделительные, однако сама категория выделительности как общая категория проблематична. И. А. Андреев [Андреев, 1965, с. 82] указывает на то, что выделительное значение, привносимое рассматриваемым аффиксом другим частям речи, за исключением существительного, есть своего рода эпифеномен (побочный продукт) субстантивации. Таким образом, сам термин выделительность не является проблематичным. В нашей монографии, вышедшей в 2011 г., мы предложили, что наиболее соответствующим обозначением аффиксов *-i*, *-χi* и *-sker* могло бы стать обозначение «синтаксический номинализатор» (англ. syntactic nominalizer) [Luutonen, 2011, с. 91]. Оно напоминает термин «номинализатор слов и предложений», используемый В. Ф. Румянцевым [Румянцев, 1977, с. 95]. В упомянутой монографии мы также указали, что название выделительный аффикс или аффикс выделения весьма хорошо подходит чувашскому аффиксу *-i*, в природе которого уникальным образом сочетаются особенности аффикса **-ki* и притяжательного аффикса третьего лица, выражающего определенность [Luutonen, 2011, с. 91].

Отличительные особенности аффиксов *-i*, *-χi* и *-sker* вызывают большой интерес среди чувашских исследователей – они были изучены достаточно много, и исследования отличаются высоким уровнем и глубиной. Почти все существенные сведения об особенностях данных морфем можно найти в работах чувашских исследователей. Мы надеемся, что представленный опыт обобщения данных исследований, сделанный финским лингвистом, поможет чувашским исследователям найти самый логичный и практический подход относительно этого интересного явления.

Библиография

Андреев И. А. О категории дефинитивности в чувашском языке // Ученые записки. Чебоксары: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. 1965. Вып. 28. С. 76–87.

Андреев И. А. К вопросу о выделении относительных прилагательных в тюркских языках // Ученые записки. Чебоксары: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. 1966. Вып. 32. С. 90–103.

Андреев Н. А. Имя существительное. Имя прилагательное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 5–106.

Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литогр. Императ. ун-та, 1898. 445 с.

Егоров В. Г. Частицы. // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 331–342.

Емельянова А. В. Коммуникативная структура контекстуально-независимого высказывания (на материале чувашского языка): учеб. пособие. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2001. 87 с.

Кузнецова Р. М. Согласование существительных во французском и чувашском языках // Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 1977. Вып. 2. С. 36–42.

КЧЭ = Краткая чувашская энциклопедия. Редкол. А. А. Трофимов и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 525 с.

Материалы по грамматике современного чувашского языка / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1957. 361 с.

Павлов И. П. Категория выделения в современном чувашском языке // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. науч.-исслед. ин-т, 1985. С. 3–15.

Румянцев В. Ф. Дефинитивность в английском и чувашском языках. // Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 1977. Вып. 2. С. 92–97.

Сергеев В. И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 300 с.

Grönbech K. Der türkische Sprachbau I. Kopenhagen: Levin & Munksgaard, 1936. 182 S.

Luutonen J. Chuvash syntactic nominalizers: On **-ki* and its counterparts in Ural-Altaic languages / *Turcologica*, 88. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 133 S.